

Параскева Е. В. Феномен преображения и система мотивов в рассказе И. С. Шмелева «Куликово поле» / Е. В. Параскева // Научный диалог. — 2017. — № 3. — С. 92—104. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-3-92-104.

Paraskeva, E. V. (2017). Phenomenon of Transfiguration and System of Motifs in I. S. Shmelev's Story "The Kulikovo Field". *Nauchnyy dialog*, 3: 92-104. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-3-92-104. (In Russ.).

УДК 821.161.1Шмелев.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2017-3-92-104

Феномен преображения и система мотивов в рассказе И. С. Шмелева «Куликово поле»

© Параскева Елена Владимировна (2017), ORCID ID 0000-0001-6784-0942, соискатель кафедры филологического образования и журналистики, Сургутский государственный педагогический университет (Сургут, Россия), afina-tiras@yandex. ru.

SPIN-код: 8785-2376,

ResearcherID: C-5864-2017

Author ID: 910307

Представлен анализ мотивов, пронизывающих ткань повествования в рассказе Ивана Шмелева «Куликово поле». Автором выделен ряд мотивов, чья семантика и специфика функционирования интерпретируются на сюжетно-образном, символическом, тематическом уровнях повествования. Особое внимание уделяется феномену преображения. Доказано, что он стал ядром мотивного поля рассказа. Автор полагает, что данный мотив выступает средством контаминации, с одной стороны, доминантного мотива испытания-преодоления, с другой стороны, комплекса мотивов страха, знаменая и света. Отмечается взаимодействие структурообразующих мотивов пути-встречи и креста. Поднимается вопрос об особенностях философско-эстетической позиции писателя, о специфике восприятия им православного учения. Новизна исследования видится в том, что впервые выявляется концептуальная значимость у Шмелева библейского образа «шеар» («остаток»), то есть учения пророка Исаяи об испытаниях народа, о грядущем избавлении и о праведных. Как представляется, именно на реализации этих образов построен актантный ряд в рассказе. В осмыслении роли Сергия Радонежского, чей подвиг стал примером подвижничества и послужил возрождению нравственного чувства народа, отражается ряд историософских идей писателя, прежде всего одна из принципиальных позиций антропологии Шмелева: историческому преображению России предшествует духовное преобразование человека. В этом процессе ключевую роль писатель отводит интеллигенции, которая должна вернуться к православным корням, осознав свою новую задачу.

Ключевые слова: мотив; Шмелев; преображение; образ Сергия Радонежского; тема возрождения России; интеллигенция.

1. Введение

Над рассказом «Куликово поле» Шмелев работал много лет (1939—1947 гг.), а впоследствии вспоминал об этом так: «Сколько я тут положил души — это только я знаю: без помощи свыше я не мог бы одолеть трудностей» [Письмо ..., 2003, с. 440]. Убеждённый противник большевизма, писатель до конца дней верил, что путь к возрождению — обращение России к коренному православному миросозерцанию. В пространстве его «Куликова поля» фиксируется ещё одна битва за Россию, но в эпоху, когда изломана онтологическая ось «земное-небесное», потому сюжетное движение находится в парадигме разрешения важнейшего для писателя вопроса о путях возрождения как отдельной личности, так и России в целом. В связи с этим в поэтике рассказа особое значение приобретает комплекс мотивов, реализующих краугольную для православия идею преображения: слияние естества божественного и человеческого во Христе и его готовность принять путь страданий, испытаний возрождающих и побеждающих смерть — в этом и заключена великая надежда православного христианина на возможность спасения и себя, и Отчизны.

2. Преображение в художественном мире Шмелева

Нельзя не согласиться с тем, что «основным сюжетом художественной вселенной Шмелева является сюжет Преображения. Он мистическим образом вошел в творчество И. С. Шмелева через его личный опыт» [Мосалёва, 2009, с. 252]. Преображение в целом — одна из ключевых идей начала XX века, но в русском сознании задолго до Серебряного века и символизма закрепился взгляд, суть которого — принятие идеи творчества как силы, преображающей мир, идеи вечной подвижности человеческой души. Столь разнообразные в эпоху порубежья поиски по преобразованию жизни и беззастенчивому переустройству души человека явились в итоге фундаментом революционного разрушения. Феномен преображения в творческом мире Шмелева корнями связан с православной моделью мировосприятия, с христианскими идеалами, важнейший из которых можно обозначить как духовное движение, право и способность человека преображаться, стремясь к божественному идеалу.

«Куликово поле» — яркий пример реализации этого стремления. Именно преображение наиболее очевидно совмещает в себе двуединство земного и Первообраза. В канонической композиции иконы Преображения

Господня и в тексте Писания, рассказывающем об этом сакральном событии, всегда можно выделить несколько принципиальных смыслов. Преображение предшествует добровольным крестным страданиям Христа, и потому «с Фавора уже видна Голгофа» [Кураев]. Кроме того, Господь открывает божественную суть сквозь земную оболочку, чтобы укрепить учеников в вере, являя свою сущность, чтобы помочь апостолам, испуганным, изображенным павшими при появлении Божественного Света: «И, услышав, ученики пали на лица свои и очень испугались» (Мат. 17:6). Господь указывает на необходимость духовного труда, ведь и сам подъём на скалистую гору, которая всегда изображена на иконе, непросто, но преодолеть его путь возможно, если беречь в себе фаворский Свет.

3. Преображенский сюжет и тема интеллигенции в «Куликовом поле»

В рассказе Шмелева все эти элементы преображенского сюжета не столько составляют основу фабульного движения, сколько формируют аксиологический, нравственный вектор для ищущих преобразования героев, манифестируя единство божественного и земного. Человеческие слабости и страхи, рождённые страданием и разрушенными ценностями, заставляют людей «падать ниц», терять разум и отчаиваться, но явленное чудо креста с Куликова поля — это такое же, как на Фаворе, чуть приоткрытое окно в мир горний, и оно укрепляет героев Шмелева. И свет так же пронизывает всё пространство в рассказе, традиционно становясь проводником высшего начала: «увидал я солнечно-розовую лавру... <...> Она светилась...» [Шмелев, 2008, с. 159].

Состояние тех, кто обретает крест в рассказе, сопоставимо с чувствами апостолов на горе Фавор: «И когда те уходили от Иисуса, Пётр сказал Ему, сам не понимая, что говорит: “Господи, хорошо, что мы здесь. Хочешь, мы поставим три шатра: один для Тебя, один для Моисея, и один для Илии”» (От Луки 9:33). У Шмелева читаем: «радостью осияло Сухова» [Шмелев, 2008, с. 151] общение со старцем, у следователя «ликует сердце» [Там же, с. 185], а Оля становится «радостно-просветлённой» [Там же, с. 175]; даже Среднёв чувствует «приятную тишину» и «безмятежный покой» [Там же, с. 176].

Сразу после преобразования Господа происходит чудо исцеления бесноватого мальчика как доказательство того, что вера даёт шанс возродиться и преодолеть всё: «Иисус сказал ему: если сколько-нибудь можешь верить, все возможно верующему. И тотчас отец отрока воскликнул со слезами: верую, Господи! помоги моему неверию» (От Марка 9:23,24). Излечения бесноватых в рассказе Шмелева не произошло («растерзанный пар-

нишка, мерзкий, в одной штанине, скачет передо мной...» [Шмелев, 2008, с. 160], но излечиваются от своих бесов уныния и пустоты те, кто может и должен вести за собой людей, толпящихся у Лавры. Именно им, Средневу и следовательно, обретение Креста помогает преодолеть опустошение «бывших» людей. Шмелев в письме к И. А. Ильину, размышляя о «Куликовом поле», подробно указывает на эту важнейшую проблему, поднятую в рассказе — роль русской интеллигенции на пути преображающих испытаний в эпоху революций и войн: «это же **ведущий** слой ... предполагаемые — доверенные — от народа, *за* народ, *ради* народа ... — и что же! — катастрофа! <...> проглядели миссии, не оправдали *дела* <...> Не впустую трутся у стен Лавры **пытливые** умы-души. В разгроме ищут — *найти себя, своё* <...> миссия не отнимается. Продолжай! Ты, ведущая часть народа... Вам и — вручается Крест. Несите, ведите, **светите**...» [Ильин, 2000, с. 91—92].

Не затрагивая, как правило, резкое изображение интеллигенции в публицистических произведениях писателя, отметим, что к вопросу о тех немногих доверенных, кто может и должен утвердить правду преображения, писатель в эмиграции обращался неоднократно. Так, в «Богомолье» эпиграфом Шмелев избирает отрывок из кн. Исаяи: «О, вы, напоминающие о Господе, — не умолкайте!» (Ис.: 62,6), отсылая, таким образом, к учению пророка Исаяи об Остатке. Это учение о том, что в периоды кризиса веры особенно важно сохранить шеар: «Бог сохраняет во все времена шеар — Остаток. Это те, кто остался верен Ему и стремится жить по Его заветам. Они образуют ядро будущего народа Божьего» [Мень, 2000, с. 344]. Из всей громады библейского текста Шмелев обращается к книге пророка Исаяи, в которой среди основных выделяются пророчества о Мессии и о возрождении народа, чему предшествуют изгнание и испытания; учение о грехах народа и суде божием над нечестивыми; о том, что угодны Богу смиренные сердца, а не пустая обрядовость, и, особенно, о благочестивом остатке. Важное место, которое занимает у Исаяи мотив *О с т а т к а*, позволяет предположить, что именно это пророчество о несущих веру и крест в сердцах было созвучно памяти писателя о России и её праведниках, определяя магистральную для позднего Шмелева задачу: обозначить пути и основания движения к преображённой России. Подобный выбор констатирует идею ключевой роли «напоминающих» в духовных поисках народа и вопрос о специфике национального сознания.

Личность Преподобного Сергия, ставшего нравственно-исторической осью рассказа, притягивала Шмелева духовной высотой, благодаря чему повествование выводится «из временного плана во вневременной, сооб-

шая ему, несмотря на трагичность происходящего, радостную тональность чаемого грядущего преображения мира» [Видмарович, 2015, с. 76]. Преподобный Сергей явил собой идеальный образец того самого Остатка, который смог восстановить потерянную веру народа в самого себя и укрепить его духовно, вследствие чего «Богомолье» и «Куликово поле» объединяет решение духовной задачи, получающей историческое и политическое направление. Об этой созидающей роли Сергея рассуждал ещё В. О. Ключевский: «Событие состояло в том, что народ, сто лет привыкший дрожать при одном имени татарина, собрался наконец с духом, встал на поработителей. <...> Откуда взялись, как воспитались люди, отважившиеся на такое дело, о котором боялись и подумать их деды?» [Ключевский, 1990, с. 71—72]. Для Шмелева, неоднократно сравнивавшего Советскую власть с каменным веком и разрушающей всё ордой, вопрос о личностях, способных восстать и возродить, был одним из ключевых. Героям его «Куликова поля» уже в XX веке категорически необходимо пройти свой путь к Сергию. Подвиг Сергея Радонежского и созданная им Лавра стали, по мысли Шмелева, опорой для русского человека, и произошло это потому, что личность святого, вобрав в себя нравственный абсолют, отразила идею духовного преодоления. Именно эта надежда на преображающую искру, вера в неизбежное возрождение лежит в основе размышлений Шмелева об особенностях пути России. Именно тогда итогом нравственного поиска и преображения человека станут политические изменения на Родине, но этот путь исторического преображения диктует безусловность духовного преобразования и укрепления. В силу этих причин повествование в рассказе — это не столько история личного пути к чудесной встрече с Преподобным, но фиксация исторических и духовных задач и для интеллигенции, и для всех, кто верит в преображение страны.

4. Система мотивов в «Куликовом поле»

С. Ю. Неклюдов утверждал, что мотив «относится к числу наиболее сложных для изучения предметов филологического исследования. Он трудноуловим и трудноопределим. <...> При этом данное понятие остается совершенно необходимым...» [Неклюдов, 2004, с. 236]. Рассмотрим функционирование системы мотивов в рассказе, под системой понимая упорядоченное взаимодополнение структурно-семантического наполнения отдельных мотивов в процессе их взаимодействия в поэтике текста. Посредством обращения к м о т и в у к р е с т а (выражен в лексеме «крест», встречающейся более тридцати раз) в рассказе решается несколько задач. Семантика этого образа многослойна. Так, развитие сюжета дви-

жется по принципу столкновения разных судеб, происходит перекрещивание в точке встреч героев и событий, чтобы в итоге возникла иная система координат, произошло преобразование человека. Крест — это и временная ориентация, он знак прошлого, ведь пришёл с Куликова поля, от предков, которые одолели врага, оставив завет хранить веру, но это и знак нового времени крестных испытаний. Крест с Куликова поля есть совмещение прошлого и настоящего, но и знак вневременной силы первообраза, когда время связано только с материальным, а для креста сила материи и времени оказывается ничтожной. Он демонстрирует пересечение земного и горнего: так, явление святого Сергия и обретение креста ничуть не умаляется, а, напротив, получает высокую правду в том, как совмещаются в памяти героев события той встречи и воспоминания о пшённой каше, которой хотели угостить Преподобного. Современная писателю ситуация разрушающего противостояния изображена им как борьба мира гармоничного, крестного с тем состоянием, которое рассказчик называет «надрывающий разлом» [Шмелев, 2008, с. 158]. Отсюда, например, пересечение в топосе Сергиева Посада вертикали духовного света Лавры и приземлённой линии площади, улочек, овражка, перрона, где повсюду следователь наблюдает эту борьбу. Моделирующая функция мотива креста позволяет связать воедино разные судьбы и обнаружить единый вектор их духовных поисков. Возрождение всех причастных к кресту с Куликова поля отражено в том, как меняется восприятие креста нарратором: в начале крест — это страдания России, крест сомневающегося и мученика, в сценах в Лавре семантика креста равна вере и надежде, а в финале крест даёт радостное чувство возрождения к жизни.

На пути преобразования герои рассказа должны преодолеть многое и в себе, и в настоящем, чтобы приблизиться к Творцу, ведь «Преподобный вручает Крест — символ Спасения страданием» [Ильин, 2000, с. 91]. Мотив испытания представлен в словоформах, сочетающих значения «проверки», «клиздеть на опыте, пережить», исследования каких-либо качеств и «тягостное переживание, несчастье» [Ожегов, 2004, с. 328]. Данный мотив выражен лексемами, несущими семантику духовного поиска и исследования духа: *страшное наше испытание, искал знамений, производил следствие, духовное торжество преодоления, указано было переметаться, опалившее душу озарение* и др.

Мотив испытания, связанный в рассказе с вопросом о судьбе русской интеллигенции в постреволюционном мире, продолжает обращение Шмелева к ветхозаветному образу «Остатка», и судьбы всех главных героев оказываются вплетёнными в канву этого библейского сюжета. Если

принять во внимание подзаголовок «рассказ следователя» (то есть одного из многих, чью судьбу после революции можно считать обычной), говорящую фамилию отца и дочери Среднёвых (то есть «средних») и роль лесного объездчика Васи Сухова, то нельзя усомниться, что речь идёт о реализации сюжета о чуде преображения обыкновенных людей. Испытания касаются всех сторон жизни героев. Все они утрачивают своё привычное место в жизненном пространстве, все они «бывшие». Потому до прихода в их жизнь Креста мотив страха и абсурда является основной дефиницией психологического состояния персонажей. И их страх — выразитель алогичного существования, потери веры, разочарования и слабости. Так, следователь вспоминает, что ему было «тошно, гнусно, безвыходно» [Шмелев, 2008, с. 156], а его Надя боится за отца, к ней приходит чувство брезгливости к окружающей жизни: «Урочные деньги Надюша не могла брать в руки <...> ... моя Надюша ... глазами ужаса и конца смотрит на меня...» [Там же, с. 156]. Барин Среднёв бежит от революции в Сергиев Посад — «там потише» [Там же, 147], но живёт в постоянном раздражении человека, вынужденного притворяться: ходит на празднование годовщины Октября, потому что боится, иронизирует над верой дочери, потому что в явлении святого нет сил поверить, ведь «для него это был — абсурд» [Там же, с. 178].

Люди в рассказе терпят бедствия и испытания, которые вечны для мира материального — голодают, унижены, больны, — но гораздо мощнее нравственный экзамен, которому подвергает их время. И это испытание выдерживают не все: («приват-доцент ... не выдержал напора ... “абсурд” помрачил его» [Шмелев, 2008, с. 163], и тогда страх и отказ от духовного сопротивления становятся основанием для торжества абсурда. Но по мере укрепления героев и обретения ими Креста пустота и тьма страха отступают, приходит чувство покоя и убежденность, что у «Господа ничто не умирает, а всё — есть!» [Шмелев, 2008, с. 177].

Лейтмотивы знамения-чуда и света (лексемы: *знаки, знамение, чудо, сияние, светлый, озарённый*), реализованные в поле мотива испытания, синтезируют важный смысловой вектор: сила возрождающая, божественная пронизывает мир России. Эти мотивы имманентны процессу преображения и не связаны с земным началом. Расстановка колористических акцентов (*розовый, золотой, синий, тьма*), излюбленных Шмелевым, и традиционное введение мотива чуда манифестируют присутствие в рассказе онтологической задачи, о которой сказано Апостолом Павлом: «Вы были некогда тьма, а теперь — свет в Господе: поступайте, как чада света...» (Послание к Ефессянам 5:8). Тот из героев, кто движется к преоб-

ражению, светел, пространство Лавры — свет, побеждающий абсурд. Свет и знаки сопровождают путь преображения всех главных героев, когда «от этих священных слов ... светло кругом» [Шмелев, 2008, с. 150], а сам путь приближения к чуду уподобляется освещённому пути, когда столкновение креста и людских заблуждений Шмелев представляет в ироничной анти-тезе входящего в дом святого, чью дорогу освещают звёзды, и сомневающегося интеллигента Среднёва, что пытается светить ему фонарём.

В рассказе возникает семантически продуктивное сочетание мотивов испытания-преодоления и пути-встречи. Тот, кто способен трудиться духом, движется к преображению и встречает его в важных разговорах, в стремлении увидеть Лавру, в чуде обретённого креста, в красоте светлых человеческих поступков. Встреча в рассказе — это признак поиска истины, когда возникает потребность движения навстречу другому человеку, без этого нет сопротивления злу и преодоления его. Размышляя о причинах случившегося революционного взрыва, повествователь видит одну из них в том, что интеллигенция утратила путь к Родине, общий с Родиной, а искала встречи с истиной на чужих дорогах, что ещё и усилено приёмом отрицания: «...наших обитателей не знаем, ни летописей не видали, даже родной истории не знаем путно. <...> И, разумеется, “за границу”. В чужие соборы шли, все галереи истоптали...» [Шмелев, 2008, с. 142—143].

В художественном пространстве «Куликова поля» мотив встречи, во-первых, формирует перипетии: как правило, речь идёт о неожиданных встречах, способствующих динамичному развитию сюжета, и при наличии фабульной функции основная интенция мотива встречи заключена в создании художественных смыслов, эксплицирующих воздействие Промысла Божьего на судьбу человека и Родины. Когда следователь-повествователь закрыт для жизни, прячется от встречи с ней под чужим именем, он живёт в оцепенении, не пытаясь спасти себя и дочь. Именно встреча с проявлением человеческой преданности даёт толчок к возвращению интереса к жизни, и только затем происходит встреча с удивительной историей Сухова. Спасение от неизбежных репрессий приходит как результат встречи на вокзале с бывшим сослуживцем, затем возникает возможность увидеть Лавру, духовно укрепиться; а случайная беседа с бывшим профессором предшествует встрече со Среднёвыми, и, как итог — чудесное обретение Креста. Неслучайность встреч, с бытовой точки зрения случайных, должна утвердить мысль об упорядоченном мироздании, где сиюминутный хаос настоящего не способен сломать божественную гармонию мира. Однако мотив встречи не редуцируется до значения только счастливого поворота событий, его нельзя отождествить с ситуацией благополучного разреше-

ния конфликта. В отдельных эпизодах встреча становится основой изображения абсурдного, трагического, при этом сохраняется семантика неожиданного, но пугающего, вызывающего отторжение. Так, в первый приезд следователя в Лавру мотив встречи связан с изображением беспощадной картины падения (юные безбожники, монах-пьяница, «наш Иов»). Встречи и с Крестом, и с абсурдом находятся за гранью логического. Однако абсурд несёт хаос, изламывая жизнь людей, поэтому картины кризисного состояния мира доведены до гротеска, поэтому самое отвратительное в сценах «новой» жизни Лавры связано с образами юных, что создаёт страшную временную перспективу, отражающую весь трагизм раскола времён. Новый мир в рассказе находится в постоянном движении, и оборотная сторона этих поисков и надежд — потеря нравственной константы, размывание границ дозволенного. Тогда на смену преобразующему пути приходит суэта, марионеточность как знак сдвинувшегося времени и новых людей в их лихорадочном движении: это и уроки игры на «верти-пьяных» вместо музыки, и механистические фигуры новых служащих, имитирующих деятельность в Лавре, где устроили казарму и антирелигиозный музей. Абсурд локализуется в конкретных деталях быта, эксплицирующих экзистенциальный кризис новой системы жизни, но — «Окаянство», — разве может оно ... истлеть все клетки души и тела нашего!.. Клеточки веками впитавшие в себя Бо-жие?! Вот это — абсурд!..» [Шмелев, 2008, с. 164—165]. А встреча повествователя с Лаврой представляет традиционное для неореалистической поэтики столкновение бытового и бытийственного, где онтологической основой выступает нетленность и вневременной покой Лавры, а быт основан на разрушении и утратах, что и отражает нежизнеспособность нового порядка, максимальную недостижимость для земного абсурда самой Лавры, охраняющей духовную вертикаль, а значит, и саму жизнь: «Всё, что творится, дурманный сон ... а вот это — живая сущность, творческая народная идея, завет веков...» [Шмелев, 2008, с. 159].

Помимо сюжетообразующей функции, мотив встречи участвует в развитии темы возрождения, которое, как верил Шмелев, не может случиться без усилий интеллигенции. Для основных героев рассказа особенную роль получает встреча с Преподобным Сергием, при этом возвращение духовной опоры происходит разными путями. Для Васи Сухова встреча со святым — знак надежды для отчаявшегося простого человека, принявшего произошедшее без анализа Фомы-неверующего, потому гармоничны в эпизоде «Сухов и старец» отголоски фольклорной традиции: Сухов получает предостережение от своего коня о приближении к чуду, старец выступает в роли чудесного помощника, сам герой на распутье, живёт

и верит по-детски доверчиво. Но не Сухов может вести за собой, его вера естественна, как дыхание, и потому он передаёт знамение тем, кто должен крест обрести. Встреча Среднёвых со старцем обнажает несостоятельность многих либеральных идей поколения отцов и необходимость возвращения к исконному, что, однако, не отрицает важность собственных духовных поисков. Характерным примером может служить то, что в рассказе обе дочери встречаются с чудом Креста с Куликова поля, но Надя на него «не отозвалась никак» [Шмелев, 2008, с. 153], в результате оставшись во власти страха, а Оля, просветлённая этой встречей, вызывает восхищение истинной красотой, так на образном уровне дублируется мысль о чуде преображающего душевного труда, устремлённого к Первообразу.

5. Выводы

Система мотивов в рассказе обеспечивает взаимодействие структурного и идейно-тематического уровня повествования, реализуя важнейший для Шмелева магасюжет преображения и религиозно-исторические идеалы писателя. Вследствие этого в поэтической системе рассказа мотив преображения синтезирует доминантный мотив испытания-преодоления с комплексом входящих в его смысловое поле мотивов страха, знамения и света и структурообразующие мотивы пути-встречи и креста. Таким образом, система мотивов в рассказе функционирует на сюжетно-моделирующем и образном уровнях поэтики.

«Куликово поле» — это художественная форма, избранная автором для констатации мысли о том, что путь преображения и возрождения могут пройти лишь те, кто способен быть сопричастным подвигу Бога, кто готов к преодолению на духовном пути. Итогом преображающего испытания героев Шмелева в рассказе становится возрождение ищущих душ как знак возможного пути в будущем для всех. Феномен Преображения становится ключом к разрешению концептуально значимых для Шмелева идей покаяния и искупления для интеллигенции, которую он называл «ведущей частью народа», и имплицитно убеждённости писателя в неизбежном просветлении и возрождении Родины.

Литература

1. Бердяев Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии) / Н. А. Бердяев. — Москва : Международные отношения, 1990. — 336 с.
2. Видмарович Н.П. Энотопос в рассказе И. С. Шмелева «Куликово поле» / Н. П. Видмарович // Вестник Новгородского университета им. Ярослава Мудрого. — 2015. — № 1. — С. 76—79.

3. *Житие* Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси XIV — середина X века. — Москва : Художественная литература, 1981. — С. 408—410.
4. *Ильин И. А.* Собрание сочинений : Переписка двух Иванов (1947—1950) / И. А. Ильин. — Москва : Русская книга, 2000. — 528 с.
5. *Ключевский В. О.* Исторические портреты. Деятели исторической мысли / В. О. Ключевский. — Москва : Правда, 1990. — 624 с.
6. *Кураев А. В.* Православие — это религия Преображения [Электронный ресурс] / А. В. Кураев. — Режим доступа : [http:// www.pravmir.ru/pravoslavie-eto-religiya-preobrazheniya-1/](http://www.pravmir.ru/pravoslavie-eto-religiya-preobrazheniya-1/).
7. *Мень А. В.* Исагогика : в 2 т. / А. В. Мень. — Москва : Фонд имени Александра Меня. — 2000. — Т. 2 — 562 с.
8. *Мосалева Г. В.* «И цвет его был — свет Истины» : цветопись и светописание в художественном универсуме И. С. Шмелева / Г. В. Мосалева // Теория Традиции : христианство и русская словесность : коллективная монография. — Ижевск : Удмуртский университет, 2009. — С. 282—305.
9. *Мосалева Г. В.* Проблема невыразимого и категория иконичности в рассказе И. С. Шмелева «Куликово поле» / Г. В. Мосалева // Вестник Удмуртского университета. — 2012. — № 4. — С. 33—37.
10. *Неклюдов С. Ю.* Мотив и текст / С. Ю. Неклюдов // Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923—1996). — Москва : Индрик, 2004. — С. 236—247.
11. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / С. И. Ожегов. — Москва : Оникс 21 Век, 2004. — 1200 с.
12. *Письмо к О. А. Бредиус-Субботиной от 16.01.1942* // И. С. Шмелев и О. А. Бредиус-Субботина : роман в письмах : в 2 т. / сост. Л. В. Хачатурян. — Москва : РОССПЭН, 2003. — Т. 1. — С. 440.
13. *Силантьев И. В.* Поэтика мотива / И. В. Силантьев. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 296 с.
14. *Христианство и русская литература.* — Санкт-Петербург : Наука, 1994. — 397 с.
15. *Шмелев И. С.* Собрание сочинений. В 12 т. Т. 11: 1937—1948. Иностранец : Роман; Рассказы; Воспоминания; Публицистика / И. С. Шмелев. — Москва : Сибирская Благовонница, 2008. — 352 с.

Phenomenon of Transfiguration and System of Motifs in I. S. Shmelev's Story "The Kulikovo Field"

© **Paraskeva Elena Vladimirovna (2017)**, ORCID ID 0000-0001-6784-0942, degree seeker, Department of Philological Education and Journalism, Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russia), afina-tiras@yandex.ru.

The article presents an analysis of motives that permeate the narrative in the story by Ivan Shmelev "The Kulikovo Field." The author identified a number of motives, which semantics and functioning is interpreted at subject-figurative, symbolic, thematic levels of the narrative. Special attention is paid to the phenomenon of transfiguration. It is proved that it became a core of the motif field of the story. The author believes that this motive is a mean of contamination, on the one hand, of the dominant motive of trial-overcome, on the other hand, of the complex of motives of fear, signs and lights. The interaction of the structural motifs of the way-meeting and cross is noted. The question is raised about the specifics of the philosophical and aesthetic position of the writer, about the specifics of his perception of the Orthodox doctrine. Novelty of research consists in the fact that the conceptual significance of biblical image of "shear" ("remainder"), that is, the teachings of Isaiah about the trials of the people, coming deliverance and the righteous for Shmelev is revealed for the first time. It appears that the implementation of these images constructed argument number in the story. Understanding the role of Sergius of Radonezh, whose feat was an example of asceticism and the revival of the moral sense of the people, reflects the number of historiographical ideas of the writer, above all one of the fundamental positions of Shmelev's anthropology: the historical transformation of Russia precedes the spiritual transformation of man. In this process the key role the writer takes of the intelligentsia, who should return to the Orthodox roots, recognising their new task.

Key words: motive; Shmelev; transfiguration; image of St Sergius of Radonezh; theme of the rebirth of Russia; intelligentsia.

References

- Berdyayev, N. A. 1990. *Samopoznaniye (opyt filosofskoy avtobiografii)*. Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya. (In Russ.).
- Ilyin, I. A. 2000. *Sobraniye sochineniy: Peregiska dvukh Ivanov (1947—1950)*. Moskva: Russkaya kniga. (In Russ.).
- Khachatryan, L. V. (ed.). 2003. Pismo k O. A. Bredius-Subbotinoy ot 16.01.1942. In: I. S. *Shmelev i O. A. Bredius-Subbotina: roman v pismakh. 2/1*. Moskva: ROSSPEN. (In Russ.).
- Khristianstvo i russkaya literatura*. 1994. Sankt-Peterburg: Nauka. (In Russ.).
- Klyuchevskiy, V. O. 1990. *Istoricheskiye portrety. Deyateli istoricheskoy mysli*. Moskva: Pravda. (In Russ.).
- Kuraev, A. V. *Pravoslaviye — eto religiya Preobrazheniya*. Available at: <http://www.pravmir.ru/pravoslavie-eto-religiya-preobrazheniya-1/>. (In Russ.).
- Men', A. V. 2000. *Isagogika. 2/2* Moskva: Fond imeni Aleksandra Menya. (In Russ.).
- Mosaleva, G. V. 2009. «I tsvet yego byl — svet Istiny»: tsvetopis' i svetopisaniye v khudozhestvennom universume I. S. Shmeleva. In: *Teoriya Traditsii: khristianstvo i russkaya slovesnost': kollektivnaya monografiya*. Izhevsk: Udmurtskiy university. 282—305. (In Russ.).
- Mosaleva, G. V. 2012. Problema nevyrazimogo i kategoriya ikonichnosti v rasskaze I. S. Shmeleva «Kulikovo pole». *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 4: 33—37. (In Russ.).
- Neklyudov, S. Yu. 2004. Motiv i tekst. In: *Yazyk kultury: semantika i grammatika. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Nikity Ilyicha Tolstogo (1923—1996)*. Moskva: Indrik. 236—247. (In Russ.).

- Ozhegov, S. I. 2004. *Slovar' russkogo yazyka*. Moskva: Oniks 2 Vek. (In Russ.).
- Shmelev, I. S. 2008. *Sobraniye sochineniy. 12/11: 1937—1948. Inostranets: Roman; Rasskazy; Vospominaniya; Publitsistika*. Moskva: Sibirskaya Blagozvonitsa. (In Russ.).
- Silant'yev, I. V. 2004. *Poyetika motiva*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.).
- Vidmarovich, N. P. 2015. Eonotopos v rasskaze I. S. Shmeleva «Kulikovo pole». *Vestnik Novgorodskogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo, 1*: 76—79. (In Russ.).
- Zhitiye Sergiya Radonezhskogo 1981. In: *Pamyatniki literatury Drevney Rusi XIV — seredina X veka*. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. 408—410. (In Russ.).